
Е. А. Лаптев/Е. А. Laptev

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ РОССИИ В
БОЛГАРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.**

*Организация на представителствата на Русия в
България в средата на XIX век*

В исследованиях русско-балканских связей после Крымской войны необходимо отметить резкое увеличение числа представительств России в этом регионе, частности в Болгарии. Обстоятельства, вызвавшие необходимость новых средств в балканской политике России после Парижского мира 1856 г., достаточно освещены в литературе международная изоляция и падение престижа в результате поражения в Крымской войне, оживление национально-освободительного движения на полуострове и обострение в связи с этим борьбы европейских держав на Востоке¹.

Поэтому считаем необходимым показать создание русских консульств в Болгарии. В их учреждении и инструкциях консулам отразились цели, но особенно – методы политики России на Балканах после Крымской войны.

Право иметь консулов и вице-консулов на территории Османской империи было предоставлено России еще Кючук-Кайнарджийским миром 1774 г.² Однако характерно, что Россия в полной мере воспользовалась этим правом лишь во второй половине 50-х гг. XIX в.

Свои задачи на Балканах после Крымской войны русское правительство видело в том, чтобы добиться отмены Парижского договора 1856 г., восстановить и упрочить позиции России в этом регионе. Национально-освободительное движение южнославянских народов рассматривалось как союзная сила в достижении этих целей. Борьба за влияние на Ближнем Востоке в условиях военно-экономической отсталости и международной изоляции требовала от России особых дипломатических усилий, быстрой реакции на враждебные действия западноевропейской дипломатии, более тесных связей с южнославянскими народами, помощи их национальному движению. Министр иностранных дел России А. М. Горчаков объяснял потребность в консульствах необходимостью располагать сведениями о торговле в портах Средиземного и Черного морей, защищать местных уроженцев, принявших русское подданство, поддерживать православные церкви на Востоке³.

В реализации этой задачи важная роль отводилась практической деятельности дипломатов за Дунаем. За годы войны русское правительство имело возможность убедиться, что отсутствие его представителей отрицательно сказалось на авторитете и престиже России среди славян. В донесении одного из служащих МИДа, проехавшего через Болгарию и представившего отчет Александру II, говорилось, что происшествия последней войны, особенно отсутствие наших агентов, очень ослабили симпатию к нам болгарского народа. Везде, где он побывал – от Видина до Софии, болгары выражали сожаление, что в их краях нет русских консулов, которые защищали бы их интересы⁴.

Решение об увеличении количества консульских постов в Европейской Турции было принято вскоре после окончания Крымской войны – 16 июля 1856 г.⁵ Министерство иностранных дел предписало генеральному консулу в Адрианополе Н. Ступину изучить, на каких правах и где было бы полезно учредить русские представительства⁶.

Известное влияние на конкретные решения об образовании новых консульств оказали предложения болгарских общественных деятелей. 11 апреля 1856 г. Найден Геров адресовал Горчакову записку, где предлагал увеличить число консульских представительств в Болгарии⁷. Подобную записку в декабре 1856 г. Геров адресовал директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому⁸. О необходимости учреждения русских консульств в Болгарии писал в 1856 г. начальнику штаба южной армии В. И. Васильчикову представитель одесской болгарской колонии Н. Х. Палаузов⁹. Пожелания Герова и Палаузова были учтены при разработке мер по улучшению деятельности консульских учреждений.

Обращения в правительственные сферы отдельных болгарских деятелей подкреплялись просьбами болгарского народа о защите от притеснений турецкой администрации. В апреле 1856 г. А. Горчакову были представлены письма, полученные из Болгарии. В них говорилось, что болгары переживают поражение России как свое горе, но надеются, что она не оставит их без покровительства: «Нам остается теперь на долю, ожидая последствий, уповать, что по заключении мира Россия пошлет нам консулов и прикажет им наблюдать за исполнением хотя некоторых важных для нас обещаний султана, а также и за действиями агентов недоброжелательной нам Европы»¹⁰.

Об этом же просили русское правительство и делегаты видинских болгар, покинувших во время войны родные места вместе с русской армией. Делегация заявила, что видинцы опасаются возвращаться в Болгарию, «пока не будет учреждено официальное российское агентство для обеспечения православным жителям этого обширного пашалыка безопасности, им Портою обещанной»¹¹. Докладывая об этом царю, Горчаков просил разрешения учредить в Видине консульство «как для защиты означенных выходцев при возвращении их на родину, так и потому, что местность эта особенно важна в политическом и стратегическом отношении»¹².

Поступавшие из Болгарии сообщения о беспорядках, все более убеждали МИД в необходимости присутствия русских консулов «по крайней мере в тех городах Турции, в которых уже существуют консульства других европейских держав, тем более, что в этих консульствах находят защиту и убежище христиане других исповеданий, кроме православных»¹³.

Предложения об открытии русских представительств Балканах генеральный консул в Адрианополе Н. Ступин изложил в нескольких донесениях в МИД. Он предлагал учредить представительства России в Бургасе, Рушуке, Софии, Самокове, Сливене, Силистре¹⁴.

На такой выбор влияли различные факторы. Прежде всего, для престижа и влияния России важно было иметь своих представителей там, где существовали консульства других стран. Подчеркивалась необходимость учреждения консульств в первую очередь в городах, «уважаемых и влиятельных» среди народа – в древней столице Болгарии Тырново и Филиппополе (Пловдиве). Эти города в середине XIX в. задавали тон национально-освободительной борьбе. Тырново был центром нескольких политических движений, инициатором борьбы за независимость болгарской церкви¹⁵. С учреждением здесь консульства связывались надежды на упрочение влияния в центральной части Болгарии, связей между консульскими постами в Варне, Видине и Филиппополе¹⁶.

Выбирая важнейшие болгарские города, МИД учитывал и то, что консульства должны активно противодействовать попыткам западных миссионеров приобрести влияние на население. В отчете царю за 1856 г. Горчаков указывал, что католическая пропаганда имеет успех среди славян. «На этот существенный предмет обращено все внимание наших консульств. Им поручено следить за происками католических миссионеров и, не довольствуясь одним наблюдением, соображать те средства, которые можно принять для противодействия их вредным покушениям»¹⁷. Так, посылая агента в Филиппополь, министерство руководствовалось тем, что в этом городе «возникшие в последнее время несогласия греческого духовенства со славянскими его прихожанами могли бы облегчить успехи иноверной пропаганды»¹⁸.

К 1862 г. консульские посты России уже существовали в главных населенных пунктах Европейской Турции. В дальнейшем Министерство иностранных дел не раз принимало различные меры для улучшения их работы, т.к. представительства стали важным инструментом политики России на Востоке. В депеше МИДа в русскую миссию в Константинополе говорилось, что правительство придает такое большое значение совершенствованию консульской сети в Турции потому, что видит в ней единственное средство обеспечить действительную защиту интересов России в местностях, удаленных от Константинополя¹⁹.

Исключительное внимание министерства привлекал и выбор кандидатур консулов. Комплектование штатов новых консульств вызывало затруднения, т.к. чиновникам предъявлялись большие требования, принимались во внимание и

местные условия. Так, в Тырново и Филиппополе (Пловдиве), древних культурных центрах Болгарии, нужны были «люди просвещенные, сведущие в языках и владеющие даром слова, могущие внушить к своей личности всеобщее почтение и доверие, усвоить себе безграничное влияние на умы и сердца народа»²⁰. «А где взять людей?» – сетовал в письме к Горчакову Е. Ковалевский – директор Азиатского департамента МИД²¹. В Министерстве иностранных дел учитывали, что в обстановке церковных распрей, активизации иноверной пропаганды консулы должны быть стойкими защитниками православия. «Поэтому министерство озабочилось назначением на консульские места в Европейской Турции только таких чиновников, которые обещают быть надежными исполнителями его указаний не по одним умственным способностям и нравственным качествам, но и по происхождению и религии»²². Считалось нежелательным назначать в славянские области дипломатов неправославного вероисповедания, выходцев из иностранных фамилий. В отличие от прежних времен, когда функции консульских агентов России на Востоке зачастую поручались местным торговцам, после Крымской войны на Балканы посылались более подготовленные люди, квалифицированные дипломаты. С 1859 г. лица, желавшие поступить на дипломатическую или консульскую службу, подвергались в МИДе экзаменам по международному и морскому праву, истории трактатов, политэкономии, языкам и т.д.²³

В 1856 г. управляющим миссией в Константинополе стал А. П. Бутенев. Генеральным консулом в Адрианополь был послан Н. Д. Ступин, ранее бывавший на Балканах с важными поручениями. В Варну поехал А. В. Рачинский – участник Дунайской кампании, член Московского славянского комитета. Известный ученый-славист А. Ф. Гильфердинг получил пост консула в Белграде.

Среди консульских чиновников, посланных за Дунай, были и местные жители, но не купцы, а люди, имеющие образование и некоторый опыт дипломатической работы. Консулом в Филиппополь был назначен болгарин Н. Геров, выпускник Ришельевского лицея в Одессе. Горчаков в докладе царю аргументировал Назначение Герова тем, что это – человек, «известный Министерству с весьма хорошей стороны, вполне знакомый с местными обстоятельствами края и пользующийся влиянием на своих соотечественников»²⁴. Консулом в Рагузе стал К. Петкович, окончивший Петербургский университет со степенью кандидата и принятый на службу в МИД, в 1855 г.²⁵ Воспитанник киевской семинарии Н. Даскалов был консульским агентом в Варне²⁶. Выпускник Московского университета Хр. Даскалов получил пост секретаря генерального консульства в Сербии, а затем секретаря генерального консульства в Сирии и Палестине²⁷. Переводчиками в консульства были приглашены русские воспитанники З. Княжеский (Тырново)²⁸ и Дм. Енчев (Мостар)²⁹. Болгары, принятые на дипломатическую службу, во многом помогали русским консулам: знакомили с особенностями края, способствовали установлению контактов с общественными деятелями и населением. Например, русский консул Н. Шишкин, радуясь принятию

на службу в МИД выпускника Московского университета С. Филаретова и ожидая его приезда, писал в Петербург: «Излишним считаю присовокуплять к этому, насколько приобретением такого человека увеличится мое собственное влияние на болгарское общество...»³⁰.

Политика привлечения болгар к работе в русских консульских учреждениях одобрялась самими болгарами. В письме к Н. Герову А. Елисицин, уроженец Габрово, драгоман русского консульства в Бухаресте, а затем в Рушуке, высказывал мнение, что «новая система нашего правительства... заслуживает особого уважения и одобрения»³¹. Действительно, это было весьма полезно для молодой болгарской интеллигенции: она приобретала дипломатический и административный опыт, возможность влиять на общественное мнение в своей стране и на отношение русской дипломатии к национально-освободительному движению болгарского народа.

Болгарское население с радостью встречало консулов России, надеясь обрести в их лице заступников от турецкого произвола. Для них консул был живым олицетворением единой страны-покровительницы, доказательством того, что Россия не бросила их на произвол судьбы. «Изыявления радости», которыми встретили Н. Ступина в Адрианополе, превзошли все его ожидания³². Поднятие русского флага перед консульством в Видине народ приветствовал радостными криками³³. В Тырново турки тайно приказали болгарам не сметь выражать своего сочувствия русскому консулу. Тем не менее при проезде по улицам В. Кожевников видел толпившихся болгар³⁴. Удивление Кожевникова вызвала и встреча в Рушуке, куда он был переведен в 1876 г. Улицы, ведущие от пристани до консульского дома, были полны народа. Такое открытое выражение симпатий к России в то время, когда в Болгарии жестоко подавлялось Апрельское восстание, было актом гражданского мужества. В этом, по убеждению Кожевникова, проявилась «глубокая вера в Россию, которую не могли поколебать ни ссылки, ни тюремные заключения, ни смертные казни»³⁵.

Таким образом, процесс создания консульств в Болгарии и инструкции дипломатам расширяют наши сведения о методах политики России в этой стране, которыми она хотела добиться главной своей цели – сохранить и упрочить влияние за Дунаем, восстановить авторитет России как великой державы, укрепить духовную связь с единоверными народами. Среди новых средств, к которым обращается русское правительство для защиты интересов на Востоке, особенно важное значение придавалось расширению сети консульских постов в Европейской Турции. В то же время это отвечало желаниям христианских подданных Османской империи. Учреждение представительств России в Болгарии свидетельствовало о совпадении интересов русского правительства с просьбами болгарского населения и обращениями в государственные органы России болгарских общественных деятелей, представлявших интересы своего народа перед официальными кругами в Петербурге. Открытие консульств показывало, что

отношения с Болгарией от эпизодических связей в области культуры и церкви поднимаются на более высокий уровень – уровень политических связей.

В работе русских консульских учреждений на Востоке были неизбежны политические функции. Значительно расширились штаты, круг действий представителей. Более того, споры в дипломатических кругах о целесообразности деления чиновников МИДа на консулов и дипломатов были решены русским правительством практически: в инструкциях об образе действий на Балканах задачи политические настолько преобладали над прямой обязанностью консула (оказывать покровительство подданным своей страны), что на деле консулы на Востоке выполняли функции дипломатических агентов.

Состав консульских служащих, значительно обновленный А. М. Горчаковым, успешно исполнял указания правительства. Русские дипломаты сумели установить контакт с болгарским населением, оказывали влияние на развитие общественной жизни. Более того, их деятельность нередко выходила за рамки официальных обязанностей. В большей мере это проявилось в области культурных связей с болгарами, что было не случайным. Прежде всего, правительство России, остерегавшееся осложнений на Балканах, которые повлекли бы за собой международный конфликт, в 50-60-х гг. XIX в. ориентировало болгар на «мирный прогресс», развитие просвещения и оказывало им поддержку в этой области. Кроме этого, сказались и общие устремления молодых русских дипломатов, служивших в Европейской Турции: желание вернуть России активную роль на Востоке, упрочить ее положение как державы – покровительницы христианских народов. Стесненные в области дипломатической требованием точного исполнения предписаний начальства, они имели возможность проявить свое сочувствие болгарскому народу в области культурных взаимоотношений, помогая развитию его народных училищ, литературы, подготовке национальной интеллигенции. В научных занятиях русских консулов на Востоке проявилось не только исполнение служебного долга, но и свойственное интеллигенции творческое начало, стремление ознакомить русское общество с народами, судьбы которых были небезразличны для России. Они ощущали себя представителями русской культуры и считали нравственной обязанностью посвятить себя сближению русского и болгарского народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никитин, С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.

² Дружинина, Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. с. 353.

³ АВПР. Ф. ГА. I-1. 1857. Д. 33. Л. 115-116; А. Горчаков – А. Бутеневу, 18 августа 1857.

⁴ Там же. IV-2. 1859–1870. Д. 11. Л. 32 об.; 40 об.; Н. Шишкин – в Азиатский департамент, 31 мая 1860.

- ⁵ Там же. I-1. 1857. Д. 33, Л. 22; Всеподданнейший доклад А. Горчакова, 26 января 1857.
- ⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе, 1857. Д. 1003. Л. 228, 246; Н. Ступин – А. Бутеневу, 2 октября 1857.
- ⁷ Из архивата на Н. Геров. София, 1911. Т. 1. С. 474.
- ⁸ Там же. с. 906.
- ⁹ **Барсов Н.** Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства. Одесса, 1895, с. 7.
- ¹⁰ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (далее-ОР ГПБСЦ). Ф. 356. Д. 109. Л. 56 об.; Е. Ковалевский – А. Горчакову, 26 апреля 1856.
- ¹¹ АВПР. Ф. ГА. I-1. 1856. Д. 32. Л. 6. Всеподданнейший доклад А. Горчакова, 26 января 1856.
- ¹² Там же. 1857. Д. 33. Л. 22 об.; Всеподданнейший доклад А. Горчакова, 26 января 1857.
- ¹³ Там же. 1856. Д. 32. Л. 155 об.; Всеподданнейший доклад А. Горчакова 6 октября 1856.
- ¹⁴ Там же. Л. 229–231.
- ¹⁵ **Плетньов, Г.** Руского консулство в Търново (1862–1865) // «Исторически преглед». 1973. Кн. I. С. 56.
- ¹⁶ АВПР. отчет МИД за 1862 г. Л. 183 об., 184.
- ¹⁷ Там же. отчет МИД за 1856 г. Л. 306.
- ¹⁸ Там же. Ф. ГА. I-1. 1857. Д. 33. Л. 106 об.; Всеподданнейший доклад А. Горчакова, 27 июля 1857.
- ¹⁹ АВПР. Ф. ГА. I-1. 1857. Д. 33. Л. 119–119 об.; Проект депеши А. Бутеневу, 18 августа 1857.
- ²⁰ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1857. Д. 1003. Л. 231. Н. Ступину – А. Бутеневу, 2 октября 1857.
- ²¹ ОР ГПБСЦ. Ф. 366. Д. 109. Л. 62–62 об. Е. Ковалевский – А. Горчакову, 28 августа 1857.
- ²² АВПР. отчет МИД за 1856 г. Л. 308 об.
- ²³ **Мартенс, Ф.** О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. Спб., 1873, с. 587.
- ²⁴ АВПР. Ф. ГА. I-1. 1857. Д. 33. Л. 107; Всеподданнейший доклад А. Горчакова, 27 июля 1857.
- ²⁵ Там же. Ф. Азиатский департамент. 1846–1858. Д. 57. Л. 80; Азиатский Департамент – Л. Сенявину, 7 мая 1855.
- ²⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1860. Д. 1612. Л. 20; А. Рачинский – А. Лобанову-Ростовскому, 14 марта 1860; 1871, Д. 2187. Л. 156; А. Мошнин – Н. Игнатьеву, 18 октября 1871.
- ²⁷ Там же. Ф. Азиатский департамент. 1860–1867. Д. 69. Л. 9, 12; Расписка Х. Даскалова, 29 января 1862.
- ²⁸ Там же. Ф. ГА. IV-2. 1861. Д. 16. Л. 21; В. Кожевников – Н. Игнатьеву, 9 сентября 1862.
- ²⁹ Там же. Ф. Славянский стол. Д. 6693. Л. 3; Н. Игнатъев – П. Стремоухову, 4 января 1873.
- ³⁰ ОР ГПБСЦ. Ф. 356. Д. 376. Л. 1–1 об.; Н. Шишкин – Е. Ковалевскому, 19 июля 1861.

³¹ Из архивата на Найден Геров. Т. 1. С. 587.

³² Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1856. Д. 1002. Л. 13; Н. Ступин – А. Бутеневу, 18 октября 1856.

³³ Там же. Ф. ГА. IV-2. 1857. Д. 16. Л. 26 об.; К. Соколов – в Азиатский департамент, 5 июля 1857.

³⁴ **Шагохина, Е.М.** К вопросу о социально-экономическом положении и национально-освободительной борьбе болгарского народа в 60-е годы XIX в. – В кн.: Россия и Славяне. М. 1972. С. 138–139. Эти документы, а также материалы статьи Е. Шагохиной не подтверждают ранее высказанного в литературе утверждения о прохладной встрече русского представителя болгарским населением. – См.: **Плетньов, Г.** Указ. соч. с. 56.

³⁵ Там же. Ф. ГА. V-A2. Д. 770. Л. 192–193; В. Кожевников – А. Нелидову, 27 июля 1876.